

МЕРТВЫЙ СЕЗОН

М

НЕ говорят: как можно, наглядевшись за длинную уже жизнь столько всего чеховского — от Крейчи, Эфроса до Штай-

на, — находить интерес в наших домашних радостях, студиях и компаниях? Или — или. Но я выбирать не могу; у меня и вправду свой интерес: ищу живое. Мне, видите ли, почудилось, что Чехов умер. Перестал быть обжигающе современным, отодвинулся в небытие, в пантеон. Уже не тянет так к его прозе, к письмам, которые кто-то назвал библией атеиста, и на очередную «Чайку» с великой неохотой идешь.

Мне замечают, что это мои проблемы, и нечего обобщать, да и не надо было 30 лет подряд Чеховым заниматься. Я бы рада не обобщать, но все вокруг то же, в самом воздухе времени. Завершился недавно Год Чехова, странный год нетипичного юбилея — кто нынче празднует 130 лет, да еще в таких масштабах? Всего было много — спектаклей и публикаций, «чтений» и фестивалей. Год Чехова прокатился от Москвы до Сахалина и выплеснулся за рубеж — Япония, Франция, Штаты... То, что наш писатель стал гражданином мира, мы знали давно, но в основном понаслышке, и наблюдали это обычно в каком-нибудь Кембридже или Сорбонне. На родине Чехова такой всемирный сход причастных к нему людей собрался впервые. Случись это лет десять назад — какой мощный был бы резонанс, как это питало бы атмосферу! Сейчас не то. Было и прошло, осталось в текущих делах — опоздали? Молодежь к Чехову холодна; публика на премьеры не рвется, и нервный, живой ток все реже идет со сцены или из зала. Есть, разумеется, исключения — они-то мне и важны, но они погоды не делают.

Именно это и странно. Ведь Чехов прежде был необходим постоянно, вне всяких памятных дат (оттого и к ним оказывались готовы). Теперь же — явная полоса отчуждения. Бывало оно и раньше, хотя и давно. Станиславский писал

в начале 20-х годов Немировичу: «Когда играем прощание с Машей в «Трех сестрах», мне становится конфузливо. После всего пережитого невозможно плакать над тем, что офицер уезжает, а его дама остается. Чехов не радуется. Напротив. Не хочется его играть». Конфуз понятен: Чехов, в старом его понимании, был неуместен в эпоху переворотов и катастроф, пока он не доказал всем много. Доказал, как он способен к противостоянию тому, что вне нас и враждебно нам; какой заряд вызова несет он с собой. Теперь уже ясно, из чего вырос на рубеже 30-х и 40-х годов спектакль Немировича «Три сестры». Ясно, почему Чехов был нужен и в годы войны, и в бурные 1960-е со всеми их катаклизмами; почему из его пьес питался театр трагедии и гротеска.

Мирный Чехов, которому не идут баррикады, вошел в культуру как протестант — играючи опрокинул «рутину и предрассудок» не только на сцене, но и в умах. Бескровно он завоевывал мир, подчиняя себе пространство и время, вторгаясь в сферу любых искусств и становясь там своим. Его постоянное присутствие в современности стало таким привычным, что мы не слишком вдумывались в причины и не хотели замечать перемен. Но они были: в нашем сознании Чехов-драматург теснил прозаика Чехова, а их обоих — неразгаданный до сих пор человек. Его уникальный опыт строительства собственной личности и судьбы был так же значим, как то загадочное воздействие, что Чехов оказывал на людей, соприкоснувшихся с ним, соединяя их в компании, театральные семьи, сообщества ученых и художников, как бы меченных Чеховым и без труда узнававших друг друга в любых концах света.

Без Чехова?..

И вдруг что-то случилось. Чехов отдался от нас, магическое воздействие его ослабло. Причин можно назвать немало. И то, что мы истерзали его своей неумной любовью, концепциями и экспериментами. И то, что писатели из неведомой и «возвращенной» литературы резко вышли вперед, оттеснив Чехова. И то, что наше безумное время предпочло строгой ясности Чехова лихорадку от Достоевского или цинизм абсурдистов. Да, мы наконец стали иными — живем врозь, мало озабоченные друг другом, человеческими проблемами и тем, что делается «внутри».

Что ж, пауза — не беда, надо бы и Чехову от нас отдохнуть, перестать быть прибежищем на все случаи жизни. Беда в другом: нам-то как без прибежища, без этих душевных опор? «Чехов не радуется», а без него — бесприютность, чувство сиротства, тоска.

Все-таки жизнь, если взглянуть в нее, подсказывает порой достаточно чеховский выход. К примеру: сменить «кустановку», предпочесть праздникам — будни в быту научном, музейном или театральном. Перевел же Штайн свой театр Чехова в сферу духовной гигиены, профессиональной и нравственной — и много выиграл в этом.

Другой путь — из тех исключений, о которых выше шла речь. Из личных усилий, которые рождаются внезапно, но органично и из душевной потребности. Потому я и хожу не по разу на эти странные, как бы незаконные для чеховского театра спектакли, что волнуют сегодня зал. На «Вишневый сад» Трушкина, эклектичный, громоздкий, где на сцене столько же стилей, сколько и артистов, а цельность создается лишь музыкой и сценографией; где «мания эффектов» (выражение Чехова) то и дело сбивает острые попадания во время и в нас. Все же такие попадания есть и сопровождаются радостным хором критики: Чехов — живой! Мы — живые!..

О чеховском цикле Погребнички надо писать особо. Нравится он или не нравится — он есть и, несмотря на свой капустнический перебор или задор, серьезен. У него свой жанр — ироническая комедия с пародиями и клоунадой, где, однако, всякое лицо, событие и всякая фраза вписаны в контекст истории и поверяются ею. Как это сделано, есть ли мера и такт — другое дело. Но в этом театре, кроме своего языка, есть и свой зритель — верный, молодой, понимающий с полуслова. Он может смеяться на протяжении чуть ли не всего спектакля, раздражая своей веселостью, но, где нужно, стихает. Для него, видимо, Чехов жив и помогает понять нашу жизнь.

Что ж — жизнь наша еще не кончена...
Надо жить... Надо жить...

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА.